

Молодой человек, послушай совета старого монаха. Твоя жизнь еще долга, ты вполне можешь спокойно прожить весь век в деревне и тебе вовсе не обязательно сломя голову отправляться в столицу из-за несбыточных надежд! — Высокопреподобный монах проникся духом буддийского милосердия и уговаривал его самыми добрыми словами, вкладывая всю душу в наставления.

Чжу Сюй невольно нахмурился. Он искренне не понимал: они с этим монахом совершенно незнакомы, почему же тот уже во второй или третий раз пытается помешать ему поехать в столицу? Неужели... — Неужели мастеру известно, какое несчастье ждет А Сяня во дворце?

Эта зловещая мысль заставила его в испуге побледнеть.

Увидев, как глубоко чувства юноши, монах лишь горько вздохнул про себя:

— Нет, твой друг пока еще в безопасности, а вот ты сам, отправившись в путь, скорее всего, столкнешься со смертельной опасностью. Поразмысли хорошенько, молодой человек, зачем напрасно губить свою драгоценную жизнь?!

— Это предсказание, которое мастер сделал для меня? А как же А Сянь? Что будет с А Сянем?
— Собственная безопасность волновала его куда меньше.

Монах лишь снова тяжело вздохнул:

— Амитабха, благое дело! Небесную тайну нельзя раскрывать. Я сказал всё, что мог, и лишь надеюсь, что молодой человек хорошенько всё обдумает!

— Мастер, мастер, постойте, мастер! — Чжу Сюй хотел было броситься за ним, чтобы во всем разобраться, но высокий монах словно обладал сверхъестественными способностями странников гор и рек — двигался с невероятной, недоступной обычному человеку скоростью и мгновенно исчез из виду. Пришлось ему оставить попытки.

Как бы то ни было, а в эту поездку в Чанъань я отправлюсь непременно! Даже если лишусь драгоценной жизни — лишь бы быть рядом с А Сянем, желания моего будет более чем достаточно!

Намерение Чжу Сюя стало лишь еще более непоколебимым.

На редкость безлюдной дворцовой тропке Дун Сянь пытался отделаться от домогательств молодого чиновника.

— Прошу господина вести себя пристойнее и не издеваться над младшим чином!

Если бы он не боялся снова доставить лишних хлопот евнуху Вангу и остальным, ни за что не стал бы разговаривать с ним так вежливо. Уж он бы отделал этого наглеца до полусмерти — пусть бы в другой раз неповадно было разгораться похотливой страсти и принимать его за какую-то девчонку для забав.

Кто же знал, что, заметив его покрасневшее от гнева прелестное лицо, тот лишь пуще распалится.

— Ого! Да ты еще и ломаешься, как девица! Прекрасно, ты нравишься мне еще больше!

— Господин, прошу вас прекратить, не то младшему чину придется забыть о приличиях! — из последних сил сдерживаясь, произнес Дун Сянь.

— О, а я как раз обожаю, когда забывают о приличиях! Ну-ка, дай поцелую! — услышав это, чиновник перестал даже делать вид, что уважает его, и всем своим отвратительным видом выказал разыгравшуюся похоть.

— Ах ты...

— А Сянь! Где ты? Скорей возвращайся, евнух Ван срочно зовет тебя! — разнесся поблизости зычный голос А У, потрясший всю округу.

Дун Сянь воспользовался моментом, вырвался из цепких лап чиновника и пустился наутек, быстрый как испуганный заяц.

Вот же олух похотливый, попадетсЯ мне еще раз — век костей не соберёшь, тьфу! Совсем с катушек съехал, извращенец! — ругал его про себя Дун Сянь, мчась во весь опор.

Впрочем, ругайся не ругайся, а поделаться с этим ничего нельзя, да и подобные случаи происходили сплошь и рядом.

— Спасибо тебе, А У, ты снова меня спас! — запыхавшись, поблагодарил друга Дун Сянь. На самом деле этот трюк с мнимым срочным вызовом был излюбленным приемом его сослуживцев, когда требовалось вызволить его из беды.

— Да брось ты благодарить. Но и ты хорош! Сколько раз твердил тебе: без нужды ни в коем случае не ходи один по пустым местам. Нет, всё равно по-своему делаешь! Гляди-ка, опять привязались! — Впрочем, А У не сердился по-настоящему. Как бы Дун Сянь ни прятался, те извращенцы вечно умудрялись его отыскать, а он же не мог круглые сутки сидеть сложа руки и играть с ними в прятки. Просто...

Оставалось винить лишь одно: чем старше он становился, тем более пленительным и женственным делалось его лицо. Конечно, речь шла о внешности — поистине

непревзойденной, способной рушить царства. Даже их товарищи, работавшие с ним бок о бок, порой замирали, ослепленные его красотой! Разумеется, об этом ему лучше не знать, а не то он опять прогневаается так, что два-три дня не отойдет.

— Ничего не поделаешь! Евнух Чэнь велел мне отнести кое-что сестрицам из кухонь, кто же знал, что на обратном пути мне повстречается этот извращенец! — распалялся всё больше Дун Сянь. Он все меньше понимал этих знатных вельмож и придворных отпрысков: чего ради они вообще околачиваются во дворце? Один празднее другого, только и делают, что творят мерзости да пакости.

— Эх, ладно! Ступай к евнуху Вангу, на этот раз он и впрямь тебя ищет! — А У мог лишь мысленно сочувствовать другу: что поделать, оба они занимали слишком низкое положение.

— Ой! Чего же ты раньше не сказал! Я побежал! — бросил Дун Сянь и, подпрыгивая, умчался прочь.

Евнух Ван каждый раз при виде этого юного красавца, которого все так нежно любили, невольно предавался раздумьям.

Какое же это благословение или проклятие — родиться с таким лицом на мужской плечах?! Тем более что у их императорского рода Хань издавна водился дурной обычай держать наложников-мужчин!

— Евнух Ван, что с вами? Неужели опять плечо заныло? Хотите, Сянь-эр разомнет вам спину? — Хотя в будние дни Дун Сянь любил пошкодить и подшутить над кем-нибудь, он оставался добрым, нежным, чутким и смышленным мальчиком, за что его все так и любили.

Евнух Ван растрогался до глубины души и поспешил ласково ответить:

— Нет, я в порядке, не беспокойся обо мне! На самом деле я позвал тебя сегодня не по какому-то особому делу — просто до меня дошли слухи, что в последнее время вокруг тебя снова увилось больше толкучки. Неправда ли?

— Евнух Ван, пожалуйста, не переживайте обо мне, А Сянь со всем справится, со мной ничего не случится! — Именно потому, что окружающие так заботились о нем, он терпел все эти домогательства и приставания похотливых мерзавцев, страшась навлечь беду на друзей.

— Добрый мальчик, тяжело же тебе приходится! — Евнух Ван с безграничной нежностью легонько погладил его по голове.

Даже он сам дивился тому, как сильно жаловал этого прекрасного юношу. Во дворце хватало высоких чиновников и знатных господ, зарившихся на чужую красоту. Будь он хоть капельку расчетливей и практичней, давно бы обратил Дун Сяня в драгоценный дар и преподнес тому, кто сильнее всего помог бы его карьере. Но сердце его так и не ожесточилось... точнее, он

просто не желал этого, напротив — оберегал юношу от любых посягательств, дрожа над ним, чтобы не дать его осквернить.

И не он один: с самого прихода во дворец сложился целый круг людей во главе с ним и евнухом Чэнем, разделявших те же чувства — все они надеялись защитить этого редкостного, невиданного за сотню лет красавца.

— Евнух Ван, не тревожьтесь обо мне больше, А Сянь станет еще сообразительнее! — с наивной детской улыбкой произнес Дун Сянь.

— Вот и хорошо! — стоило евнуху Вангу увидеть это лучезарное лицо, как он невольно улыбнулся в ответ. Какое редкое дитя: столько лет пробыть в этой смрадной клоаке-дворце и все же сберечь первозданную чистоту.

Наверное, именно поэтому они и дорожили им еще сильнее!

Шел третий год правления Цзяньпин. В мгновение ока пролетели три года с тех пор, как Лю Синь взошел на престол, и теперь ему исполнилось двадцать два. Однако его положение марионетки ничуть не изменилось. Особенно после того, как в середине прошлого года скончалась его родная мать, вдовствующая императрица Дин, вся полнота власти вновь всецело перешла к его бабке госпоже Фу, Великой вдовствующей императрице. Из-за этого император чувствовал себя еще более ничтожным и жалким.

Отчего это Его Величество так мрачен? — Эта фраза стала самой частой из тех, что евнух Ван произносил в последние годы.

Лю Синь горько усмехнулся. Государь и слуга отлично понимали друг друга: за столько лет он убедился в преданности и тяжелой доле евнуха Вана, поэтому больше не гневался на него, а напротив, сделал его своим поверенным.

— Как бы мне хотелось обрести единомышленника среди чиновников, который мог бы разделить со мной бремя забот и тревог! Тогда, глядишь, боль в моем сердце хоть немного утихла бы! — Это было единственное, заветное желание Лю Синя, но оно оставалось столь же недостижимым, сколь и далеким.

В этом корыстном дворце кто же станет рисковать ради него, императора, лишённого реальной власти, и навлекать на себя гнев всемогущей Великой вдовствующей императрицы? Никто же не враг собственной карьере!

— Прошу Вас, Ваше Величество, не падайте духом. Быть может, почаще навещая покои наложниц, Вы отыщете ту единственную возлюбленную, с которой сойдется сердцами! —

Евнух Ван изо всех сил пытался хоть немного развеселить хозяина, хотя было ясно, что подобное положение дел не изменить за один день.

— Сойдемся сердцами?! — Лю Синь невольно горько рассмеялся. — Эти женщины знают лишь одно: улучив момент, изо всех сил вымалывать у меня награды и милости, сплошь корыстные лица, думающие лишь о собственной выгоде — какая тут может быть искренность?

Когда-то он тоже надеялся отыскать истинную любовь среди трех тысяч красавиц, чтобы исцелить свое пустое, одинокое сердце. Более того, в наивности своей он мечтал встретить ослепительную красавицу, похожую на того прекрасного юношу из его воспоминаний. Увы, все вышло иначе: среди сотен дворцовых прелестниц не нашлось ни одной, чья внешность равнялась бы и тысячной доле очарования того мальчика.

Все, что ему доставалось — это эгоистичная грызня за имена, благосклонность и статус, да докучливые капризы злобной по природе императрицы, которая при малейшем повод жаловалась Великой вдовствующей императрице.

В конце концов он дошел до того, что у него пропало всякое желание навещать гаремные покои для забав. Разумеется, он и мысли не допускал о встрече с императрицей: от одного ее вида, исполненного ненависти и нетерпения скорее родить наследника, его мучило еще сильнее.

В конце концов он просто заперся в Императорском кабинете, с головой уйдя в чтение классических трактатов и книг, прикрываясь работой над документами и меморандумами, и почти каждую ночь спал в одиночестве.

Как евнуху Вангу было не понимать мук и безысходности своего господина? Но что он мог, кроме как слушать его жалобы?

— Ваше Величество, не стоит предаваться унынию! Вы еще молоды, впереди у вас долгие годы!

Подразумевалось следующее: Великая вдовствующая императрица уже в преклонных летах, а император еще молод, так что все впереди!

Впрочем, вслух такое произносить не стоило, иначе не избежать смертной казни.

Лю Синь прекрасно понимал смысл слов евнуха Вана. Сейчас ему оставалось лишь утешать себя этим.

Кхе-кхе! — Лю Синь внезапно зашелся в легком кашле.

— Ваше Величество?! — лицо евнуха Вана резко переменилось: недуг нынешнего Сына Неба — дело чрезвычайной важности!

— Не суетись, я в порядке! — едва вымолвив это, он снова легко кашлянул.

Евнух Ван испугался не на шутку:

— Ваше Величество, позвольте перенести Вас в спальню на отдых, я сию же минуту позову лекаря осмотреть Вас!

— Пустяки, это всего лишь... кхе, кхе... — Не тут-то было: кашель внезапно усилился, сделался долгим и безостановочным.

— Ваше Величество... Эй, кто там! Быстро сюда! Ваше Величество потерял сознание! — изо всех сил поддерживая хозяина, завопил евнух Ван со смертельно бледным лицом.

Обморок Лю Синя вызвал во дворце немалый переполох. К счастью, осмотревший его императорский лекарь объявил, что это всего лишь простуда и через пару дней постельного режима все пройдет, так что свита смогла шумно выдохнуть с облегчением.

— А-Фу, ступай скорее к Великой вдовствующей императрице и императрице, доложи, что с Его Величеством всё в порядке, пусть они не беспокоятся! — одновременно с этим евнух Ван отдавал приказ стоявшему рядом молодому евнуху, собираясь проводить лекаря.

— Великая вдовствующая императрица и императрица пожаловали! — не успел он договорить, как из коридора донеслись эти слова.

Евнух Ван и остальные поспешили навстречу.

— Лекарь, как здоровье Его Величества? — едва завидев врача, с тревожным допросом набросилась на него Великая вдовствующая императрица, а шедшая следом императрица тоже выглядела так, будто случилась катастрофа.

— Прошу Великую вдовствующую императрицу и императрицу успокоиться: у Его Величества легкая простуда, ничего опасного. Ваш покорный слуга уже выписал несколько укрепляющих отваров для поддержания драгоценного здоровья, если принимать их вовремя, через пару дней наступит полное выздоровление! — почтительно доложил лекарь.

— Вот и славно, а то я уж боялась, как бы у императора не оказалось наследников и в будущем не возникло проблем с престолонаследием! — Великая вдовствующая императрица наконец с облегчением перевела дух. Еще бы! Неужели имперская власть и влияние, доставшиеся с таким трудом, продлятся всего несколько лет!

Императрица тоже выглядела так, будто с ее плеч свалился тяжкий груз:

— Какое счастье, а то я уж думала: если я еще не понесла от императора драгоценного семени, а вдруг... тогда я оказалась бы перед ханьским родом неопишуемой должницей.

Как красиво изъяснялись! На деле же обе эти женщины — и старая, и молодая — пеклись лишь о собственных выгодах и потерях, и ничуть не переживали за самого императора!

Однако вслух подчиненные могли лишь думать об этом про себя — ни у кого не хватило бы духу высказать такое вслух, разве что у какого-нибудь безумца, решившего расстаться с собственной головой!

Среди всей этой челяди евнух Ван сильнее всех сочувствовал императору, но точно так же осмеливался держать мысли при себе.

— Докладываю Великой вдовствующей императрице и императрице-матери, осмелюсь доложить: раз лекарь объявил, что императорское здоровье вне опасности, прошу Великую вдовствующую императрицу и императрицу ради собственного драгоценного здоровья немедленно вернуться в покои и отдохнуть, дабы император не тревожился тем, что побеспокоил вас. Что же до императорского здравия, мы, слуги, поклянемся служить у его ложа, прошу Великую вдовствующую императрицу и императрицу явить милость и рассудительность! — Это было единственное, что евнух Ван мог сделать для больного господина. Он знал: сейчас император меньше всего на свете желал видеть этих двух эгоистичных женщин, в которых не осталось ни капли искреннего тепла.

А Великая вдовствующая императрица и императрица охотно ухватились за этот повод, избавившись от необходимости идти внутрь и притворно навещать больного, чему в душе были очень рады. Впрочем, на лицах они по-прежнему изображали крайнюю озабоченность и скорбь.

— Евнух Ван дело говорит, я сейчас же возвращаюсь в покои, чтобы больше не утруждать императора! — И под почтительные поклоны прислуги обе бездушные женщины быстро удалились.

Уладив все дела, евнух Ван зашел в покои проведать Лю Синя.

— Обе ушли, да? — спокойно спросил Лю Синь, едва заведя его.

— Докладываю Вашему Величеству: Великая вдовствующая императрица и императрица действительно только что отбыли к себе! — евнух Ван тут же подплыл к царскому ложу, чтобы прислуживать.

Лицо Лю Синя озарила улыбка:

— Эти две бессердечные женщины боятся лишь одного — что я уйду из жизни, не оставив наследника, и тогда рухнет их былое и будущее величие...

— Ваш слуга умоляет Ваше Величество отбросить дурные мысли и думать о государстве! Ни в коем случае не произносите столь зловещих слов, это великое счастье для простого народа Поднебесной! — Евнух Ван принялся усердно кланяться и складывать руки в почтительном жесте.

Лю Синь взглянул на него, тяжело вздохнул и произнес:

— Встань. Больше не буду.

— Благодарю за милость Вашего Величества! — евнух Ван медленно поднялся.

Невольно в памяти Лю Синя всплыло то прелестное, чистое лицо.

— Как было бы прекрасно, если бы в этот самый момент рядом со мной находился преданный, близкий по духу министр, с которым можно было бы рассуждать о делах древности и современности, о канонах и истории! — Он действительно мечтал об этом. Предпочтя общение с бесчувственными наложницами, он скорее предпочел бы чиновника, с которым можно открыто поговорить по душам.

Евнух Ван слушал это, мысленно горько вздыхая.

С тех пор как государь завел об этом речь, у него на примете уже появился подходящий человек. И звали его Дун Сянь — он отличался глубокими познаниями, сметливостью, живостью ума и чуткой заботливостью.

Однако несравненная красота Дун Сяня, превосходившая любую из дворцовых наложниц, заставляла евнуха Вана сомневаться. Особенно при мысли о пристрастии прошлых императоров к наложникам-мужчинам: что, если... Подобное точно не принесет счастья простому народу!

Он хотел исполнить желание господина, но с другой стороны, страшился подвергать Дун Сяня такой опасности. Ох, тяжелая задача...

— О чем это задумался евнух Ван? — переспросил Лю Синь несколько раз.

— Ваш слуга виноват, Ваш слуга виноват! — заметив собственную рассеянность, евнух Ван зашепшил с извинениями.

Лю Синь и не думал его винить:

— Евнух Ван, я хочу, чтобы ты подыскал мне подходящего человека, который составлял бы мне компанию за чтением книг, но мне не нужны лицемерные подхалимы!

Зная, сколь призрачны надежды, он все же цеплялся за эту попытку. Даже сам он дивился

собственному упорству.

Разве я не отрекся от всего уже давно, не смея и мечтать о том, что в этом дворце найдется мудрый чиновник, который не поддастся страху перед властью Великой вдовствующей императрицы и станет служить мне от всего сердца? Отчего же сегодня меня вновь потянуло на это?.. Наверное, всё из-за болезни, — подвел итог про себя Лю Синь.

На сердце у евнуха Вана скребли кошки, но он все же почтительно ответил на высочайший приказ:

— Ваш слуга приложит все силы, чтобы исполнить волю Вашего Величества! Умоляю Вас спокойно лечиться и беречь свое драгоценное здоровье!

— Я понимаю. Буду ждать от тебя добрых вестей! — Слова-то были такими, но тон выдавал полное отсутствие надежд — в голосе звучали лишь безысходность, тоска и одиночество.

— Слушаюсь! — на душе у евнуха Вана царил полнейший разлад.

Уложив императора спать, евнух Ван воспользовался моментом, чтобы заняться отложенными делами.

К его удивлению, едва он вернулся, как обнаружил, что вся компания во главе с евнухом Чэнем собралась вместе, словно намеренно поджидая его возвращения.

— Можете не тревожиться: Его Величество просто немного простудился, пара дней отдыха — и все пройдет! — с порога объявил евнух Ван хорошую новость.

Однако лица собравшихся ничуть не прояснились, и евнух Ван почувствовал неладное.

— Неужели за то время, пока я прислуживал императору, здесь случилось что-то из ряда вон выходящее?

Все переглядывались друг с другом, и, кроме тяжелых вздохов, никто не проронил ни слова. От этого евнуху Вангу стало еще тревожнее.

— Да говорите же! Евнух Чэнь, прошу, поведайте мне!

Евнух Чэнь тяжело вздохнул и начал рассказ:

— Сам того не ведая, евнух Ван, вскоре после того, как разнеслась весть о легком недомогании Его Величества, к нам пожаловал один маркиз из рода Ван и потребовал отдать А Сяня служить в его усадьбу. Я временно отговорился тем, что император болен, но тот маркиз

потребовал выдать парня через три дня после выздоровления государственного государя, пригрозив, что иначе житья нам не даст. Вот моя братия и ломает головы, не зная, как поступить. Эх!

— И впрямь было такое?! — изумился евнух Ван.

Дун Сянь тихо вымолвил:

— Пожалуй, мне лучше уйти в отставку и вернуться домой! Тогда все уляжется само собой, и я больше не буду никого обременять! — В свои восемнадцать он стал еще красивее и привлекательнее, так что отвести от него взор делалось всё труднее.

Эх, неужто и впрямь воля небес?! Суждено ли этому чуткому и прекрасному юноше встретиться с императором?! — сомнения в душе евнуха Вана стали еще мучительнее.

— А Сянь, не спеши с выводами. У меня есть важное дело для разговора с евнухом Чэнем, отложим пока это. Идите-ка все по своим делам, нечего зря навлекать на себя неприятности, — строго произнес евнух Ван.

Все разошлись. В комнате остались лишь евнух Чэнь и евнух Ван.

— Неужели евнух Ван уже принял решение по поводу А Сяня? — Как-никак, они дружили с детских лет, вместе поступили во дворец и прослужили бок о бок несколько десятилетий, так что евнух Чэнь отлично его понимал.

— И ты уже знаешь? — только перед этим другом евнух Ван осмеливался изливать душу без утайки.

— Расскажи, потолкуем вместе, глядишь, и придумаем что! — Любви и заботы к Дун Сяню у евнуха Чэня было ничуть не меньше.

Тогда евнух Ван подробно пересказал слова императора, велевшего разыскать подходящего спутника для чтения.

— Раз так, на данный момент лучшим выходом будет представить А Сяня самому императору! — взвесив все за и против, мрачно и твердо высказал свое мнение евнух Чэнь.

— Но... — евнух Ван и сам понимал, что это лучший путь решения проблемы, но на душе было беспокойно.

— Я понимаю твои мысли, да и я сам разве горю желанием подвергать А Сяня такому риску? Но посуди сам: неужели будет лучше, если тот старый маркиз под сорок силой отберет его? Уж лучше пусть он прислуживает молодому и статному императору, чем такому маркизу. Во-

первых, это утешит Его Вество, а во-вторых, спасет А Сяня от этой напасти. К тому же, император вовсе не обязательно станет обращаться с ним так, как мы опасаемся! — логично и последовательно разъяснил евнух Чэнь.

— Рассуждения евнуха Чэня здравы и глубоки, и я все понимаю, но... — сердце евнуха Вана все равно сжималось от недобрых предчувствий.

— Сейчас выбирать не приходится. К тому же, неужели ты и впрямь думаешь, что если Дун Сянь просто уйдет в отставку, все уладится само собой? — попытался убедить его собеседник.

Поразмыслив с полчаса, евнух Ван наконец принял окончательное решение.

<http://bllate.org/book/21157/2144439>